

Мур. - 1991. - 28 окт.

Когда после долгого отсутствия человек возвращается домой, его обуревают сложные чувства. Что же ему приходится пережить, когда он видит родной очаг разрушенным почти до основания! Наум Коржавин, один из наиболее известных советских поэтов-эмигрантов, человек, обладающий огромным моральным авторитетом в писательском мире, приехал в Первопрестольную на совещание Римского движения. Он задержался в любимом городе — и дождался того, что СССР упразднили.

— Наум Моисеевич, вы вернулись домой в тяжелое время. Россия давно не испытывала такого разброда и неуверенности. Моя мать, человек, переживший войну, сказала недавно, что внутренне тогда было проще: с сорок второго года люди поверили, что впереди — победа. А сейчас у многих ощущение, что мы движемся неизвестно куда. Скажите, какими вы увидели, как вы почувствовали свой город, свою страну?

— Ситуация очень тяжелая. Но такой она была и в первый год перестройки. Горбачев начал ее в уже убитом обществе. Это не следует понимать так, что все люди здесь были мертвы. Более того — человеческие отношения у нас в стране, по сравнению с остальным миром, всегда отличались близостью и теплотой. Неживыми были общественные связи. Теперь они постепенно восстанавливаются...

Самое страшное — это охватившее народ чувство самоуничижения. Люди, вслед за авторами некоторых публикаций, готовы поверить, что мы хуже всех. Это навет. По моему глубокому убеждению, русские сейчас — один из самых умных и квалифицированных народов в мире. Сам общественный уклад заставлял нас думать, чтобы выжить.

И ум есть, и квалификация, и образованная мы страна. Не делайте большие глаза — весь мир не шибко образован, так что мы не хуже других. А иногда, может быть, и лучше. Все дело в том, чтобы снова вдохнуть живую душу в общество...

— Но единого общества нет. Есть те, кто стоит в безнадзорных длинных очередях за мясом по госцене, экономит каждый рубль, и те, кто на аукционе, проводившемся во время Осеннего благотворительного бала, покупал сторублевку за пять тысяч. Новый способ «оттаться».

— Мне-то как раз кажется, что единственное достижение советской власти в том, что она сделала общество более цельным. Если раньше славянофилы говорили о двух народах, то теперь народ перемешан до основания и един. Тотального взаимопонимания между интеллигенцией и народом больше нет.

— Мне кажется, Наум Моисеевич, что вы оперируете представлениями о нашем обществе как минимум семилетней давности. Но перейдем к другой теме. Я впервые прочел о вас в «Охоте» Тендрякова. Он писал о своей литинститутской юности и о соседе по общежитию, идеалисте, во время ареста обмолвившемся, что он только-только разобрался в марксизме...

— Даже и не в марксизме. В Сталине. Я тогда Сталина признавал, но при этом пытался разобраться в его феномене. За это меня и посадили. Думать о Сталине, критически его анализируя, было нельзя: ему можно было только поклоняться.

— Я понимаю. С тех пор прошла не одна жизнь, сменился не один идеал... И все же — во что вы веруете?

— Я верю в Бога. Я верю в то, что Царство Божие внутри нас, и надо достигать его — каждый день. Я верю в то, что необходимо поступать хорошо и нельзя делать плохого. А в конечную цель, достижимую здесь, на земле, я не верю. Я хочу, чтобы в России было хорошо, но ведь это не конечная цель. Здесь, у нас, никогда не будет райской жизни. Пусть Россия будет нормальной страной, где есть и зло, и добро, но где можно жить. Государство при этом не должно быть воплощением идеала, его дело — порядок.

К идеалу должен стремиться сам человек — в него, кстати, я тоже верю.

— Вы верите в советского человека — в «гомо советикуса», в «совка»?

— Я не люблю этих слов, разговоры на подобные темы мне неприятны. Мой друг Войнович однажды сказал: «Все люди на земле советские», и я с ним вполне солидарен. Люди всюду люди, и наши ничуть не хуже других. Может быть, они более нервные — так ведь и есть из-за

чего нервничать. Гомо советикусом, по-моему, можно назвать человека, у которого мозги сбиты набекрень. У нас таких действительно много. Но можно ли их в этом упрекать? Людям с

Наум Коржавин:

ЧТО НАС ЖДЕТ ВПЕРЕДИ?

Запада никогда не понять, что значит выстоять очередь на квартиру. «Очередь на квартиру» не укладывается у них в голове — ты заработал деньги, пошел и купил. Все остальное — из царства абсурда. А гомо советикус только в нем и живет: он зарабатывает деньги, на которые ничего нельзя купить, он законопослушен, а кругом беззаконие... Но в другой обстановке, на Западе, наш человек поразительно быстро меняется, приспосабливается к иным условиям и часто преуспевает.

— Сейчас модной темой в публицистике стала трагическая, роковая судьба России, страны, которая движется по кругу: от катаклизма к катаклизму, выползая из одной исторической ловушки, чтобы рухнуть в следующую...

— Я всегда интересовался русской историей. Она тяжела, трагична, но вовсе не безысходна. Октябрьская революция искажала ее естественный ход. Россия двигалась совсем не к этому, и Ленин, пришедший к власти, просто использовал страну для ложной — пусть и высокой — цели. А когда выявилась ее химеричность, ленинский преемник сделал высокой целью самого себя и установил рабство. И это уже не русская история. Да, она на порядок отстает от стран Западной Европы, но в целом повторяет их путь. А постоянные разговоры о трагической русской судьбе убивают желание выкарабкаться из пропасти и в то же время создают иллюзию духовной жизни. Что же касается «заданности» русской истории, то никакого круга теперь не получится. Если не переломим ход событий, то полетим в бездну, где и останемся. Можно, конечно, отсюда тикать, но для страны это не выход.

— Все-то не убегут.

— Да на Западе нас и не ждет никто. Технари, со временем, может, и пристроятся... Но там полно своих технарей. Еще начнется, чего доброго, антисемитизм против русских.

— А чем стала эмиграция для вас, русского поэта?

— Когда я уезжал из страны, я рассудил так: сорока восьми лет, прожитых здесь, никто уже не отберет, а вызывать за океаном не будут никуда — ни в парткомы, ни в райкомы. Доживу, думаю, как-нибудь. А вышло так, что я уже восемнадцать лет у них прожил. А здесь, в России, тем временем произошло то, чего я никак не ждал. Но там, в Штатах, я или вообще не живу (я имею в виду жизнь духа), или живу тем, что происходит здесь. Так что эмигрант я весьма сомнительный. При этом, конечно, я американский гражданин... И Америкой вполне доволен. Это хорошая страна. Я не очень люблю среднюю американскую интеллигенцию — она малокультурна, внутренне несамостоятельна. (Высокая интеллигенция, интеллектуальная элита США при этом заслуживает всяческого восхищения.) А народ замечательный — люди, как правило, очень доброжелательные, всегда готовы прийти на помощь. В чем-то, быть может, они наивны, в деле, в работе достаточно жестки. В отличие нас не воруют. Если американцу дома нужны гвозди, он не прихватит десяток с работы.

— А я-то всю жизнь пишу на редакционной бумаге...

— Вы, может быть, думаете, что я поступал иначе? Работая в газетах, я вообще никаких канцтоваров не покупал.

Беда Америки в том, что свобода и забота о правах человека там часто переходят в свою противоположность. Так, чудовищный уровень американской школы во многом обусловлен тем, что профсоюзы теперь защищают своих членов в любых обстоятельствах, независимо от их профессиональной годности. И

учителя — почти все люди неквалифицированные. Многие американские фирмы теперь отказываются брать на работу выпускников своих национальных школ. Им больше подходят иммигранты из стран, где школьников наказывают и заставляют учить таблицу умножения.

— Какого будущего вы хотите для России?

— Политически мне все равно. Пусть будет монархия, пусть будет республика... Хотя монархии я бы не хотел. Опять будут придворные, высший свет... Ерунда начнется. Сейчас я бы пошел за человеком, способным на разумную диктатуру. На этот счет у меня были разногласия с маршалом Жуковым. (Он, правда, о них и не подозревал, поскольку не знал о моем существовании). Я хотел, чтобы он взял правление в свои руки, а он к этому не стремился. Мне казалось, что власть в этом случае перестанет быть анонимной. И за ним — выстави он лозунг возрождения России — люди бы пошли.

Я хочу, чтобы была частная собственность, чтобы люди могли нормально работать. Хочу, чтобы жизнь была духовной. Ну а разумная диктатура нужна потому, что ситуация невероятно трудная, и впереди нас ждет не рай, который обещали большевики, а (если очень повезет) нормальная жизнь со своими трудностями и недостатками.

Но нам нужен не бурбон, думающий, что как только он сядет на трон, так сразу пшеница начнет колоситься, а человек образованный и умный. Вроде Пиночета, точно почувствовавшего, когда ему надо уйти.

Не удивляйтесь — я ведь и сам консерватор. Но только в том смысле, какой вкладывали в это слово в конце прошлого века (а родился я тогда, был бы, наверное, идиотом и сочувствовал революционерам). Я считаю, что все надо делать осторожно, что главное — жизнь, а не политическая борьба, не идея. Идея — это конечная цель. А конечная цель, как ни мудри, оправдывает средства. А средства ведут, куда хотят.

— Как вы оцениваете ситуацию в писательском мире, с борьбой «апрелевцев» и «русской партии»?

— Я встречался и довольно тесно сошелся с Астафьевым. Это серьезный человек, думающий и болеющий душой о России. И очень большой писатель. И Белов хороший писатель. Другое дело, что он часто видит в русской истории то, что хочет в ней увидеть.

— Что еще вас тревожит в сегодняшней жизни?

— Знаете, мне тяжело говорить о сегодняшнем дне. Столько лет жили для будущего, а теперь выяснилось — за счет будущего. И сейчас, когда оно наступило, никто не хочет расплачиваться за то, что нас ждет впереди.

— Мы все устали. Еще пару лет назад надеялись на что-то, чего-то ждали...

— Это генетическая усталость. Вы, совсем еще молодой человек, устали от советской истории, хоть в ней почти не жили. Что же говорить обо мне?..

Беседу вел
А. ФИЛИПОВ.